

О РАЗРАБОТКЕ ИСТОРИИ БУРЯТ-МОНГОЛИИ

В. Шунков

Научно-исследовательский институт культуры и экономики Бурят-Монгольской АССР в настоящее время работает над созданием обобщающего труда по истории Бурят-Монголии. Историки республики своевременно выдвинули задачу большого значения. Несмотря на довольно многочисленную литературу, до сих пор нет сводного труда, который показал бы исторический путь Бурятии с древнейших времён до наших дней. Попытки дать общий очерк истории бурят-монгольского народа не доведены до конца (А. П. Окладников «Очерки по истории западных бурят-монголов»; Ф. А. Кудрявцев «История бурят-монгольского народа»; П. Т. Хаптаев «Краткий курс истории Бурят-Монголии»). Имеющиеся монографии и статьи не восполняют больших пропусков в разработке истории Бурят-Монголии, которыми отмечены указанные очерки. Вновь создаваемая книга по истории Бурят-Монголии должна восполнить этот пробел, а также преодолеть те крупные недостатки, которые характерны для части работ, выпущенных историками Бурят-Монголии уже после дискуссии 1934 г. по основному спорному вопросу о ходе исторического процесса в Бурят-Монголии.

В этой связи историки Бурят-Монголии в конце 1947 г. провели в Улан-Удэ широкое совещание по вопросу о состоянии и задачах исторической науки в республике.

С докладом на тему «Об очередных задачах изучения истории Бурят-Монголии» выступил заведующий сектором истории НИИКЭ П. Т. Хаптаев. Основным содержанием доклада и многочисленных выступлений было рассмотрение в свете решений ЦК ВКП(б) по идеологическим вопросам трудов по истории Бурят-Монголии, выпущенных за последнее десятилетие, и определение задач, стоящих перед историками Бурятии. Совещание подвело итоги работе историков, оценило имеющуюся историческую литературу, определило характер недостатков и ошибок, которыми она страдает, и наметило пути для их преодоления. Во многом совещание историков Бурятии имеет и общее значение, так как одновременно с работой по написанию истории Бурят-Монголии ведётся работы и по написанию истории ряда других народов СССР.

Совещание вскрыло, что историки Бурятии, во-первых, не обеспечили полного преодоления буржуазно-националистических извращений истории Бурятии, а в ряде работ допустили положения, близкие к положениям историков буржуазно-националистического толка; во-вторых, не обеспечили выпуска в свет монографических исследований по истории Советской Бурят-Монголии и не создали общего очерка этого периода жизни бурят-монгольского народа; в-третьих, не разработали до конца подлинно научную периодизацию истории Бурят-Монголии.

За последнее десятилетие институт опубликовал ряд научно-исследовательских ста-

тей и монографий. Из последних наибольший хронологический период охватывает работа П. Т. Хаптаева «Краткий очерк истории Бурят-Монголии». Она даёт изложение истории Бурятии с древнейших времён до 1917 г., она же в своём втором издании является и самой поздней по времени книгой, подводящей итоги разработке истории Бурят-Монголии. В ней, как в фокусе, отразились все достижения и все недостатки изучения истории Бурят-Монголии. Поэтому при анализе положения с разработкой истории Бурят-Монгольской АССР основное внимание обращается на разбор именно этой книги и лишь попутно привлекаются другие работы бурятских историков.

Рассмотрев «Краткий очерк истории бурят-монгольского народа» П. Т. Хаптаева и другие работы, опубликованные институтом, совещание пришло к выводу, что историки в этих работах не преодолели полностью буржуазно-националистических извращений истории Бурят-Монгольской АССР, а в ряде работ допустили положения, близкие к трактовкам буржуазно-националистических историков.

Буржуазные националисты фальсифицировали историческое прошлое Бурят-Монголии; они противопоставляли бурятский народ русскому народу и тем самым пытались подорвать окрепшую между ними дружбу и совместную работу по строительству социализма. В связи с этим совещание сосредоточило основное внимание на вопросе о том, как в трудах, выпущенных Институтом культуры и экономики Бурят-Монгольской АССР после дискуссии 1934 г., освещаются взаимоотношения бурятского и русского народов за весь период их совместной жизни, как разработан в бурятской литературе вопрос об общности судеб этих народов.

За последнее десятилетие историки Бурятии добились в этом направлении некоторых положительных результатов. А. П. Окладников в своей книге первым дал описание совместной борьбы бурят и русских против царизма в XVII в.; П. Т. Хаптаев в своих работах поднял вопрос о значении революционной борьбы русских рабочих и о роли крупнейших деятелей русского революционного движения, находившихся в ссылке на территории Бурятии; Ф. А. Кудрявцев поставил вопрос о влиянии передовой русской культуры на развитие бурятской культуры. В опубликованных работах по истории Бурят-Монголии содержатся и указания на положительную роль русского населения в развитии производительных сил Бурятии. Вместе с тем именно в этом основном вопросе рядом авторов были допущены серьёзные ошибки, свидетельствующие о непреодоленности влияния буржуазно-националистических концепций. Эта мысль была подчеркнута докладчиком и явилась основным содержанием почти всех выступлений.

Товарищи Сталин, Киров и Жданов в своих замечаниях на конспект учебника по истории СССР указывали на необходимость разоблачения колонизаторской роли русского царизма. Показ эксплуататорской политики царизма и его агентов по отношению к народам Сибири обеспечивает борьбу и против другого реакционного наследия буржуазной историографии: против великодержавно-шовинистических взглядов историков, оправдывавших национальный гнёт царизма в отношении народов Сибири.

Но, разоблачая роль царизма, его колонизаторскую политику в Сибири, нельзя отождествлять русский царизм с русским народом, переносить характеристику колонизаторской роли царизма на всё русское население. Именно это отождествление и являлось одним из основных положений буржуазно-националистических историков и использовалось ими для противопоставления всех русских всем бурятам. Именно эти тенденции нашли своё отражение в ряде положений историков Бурятии и привели некоторых из них к сплошной отрицательной оценке факта включения Бурятии в состав Русского государства и к сплошному противопоставлению в ряде случаев русских бурятам.

Одним из примеров буржуазно-националистического влияния на бурятских историков является трактовка чересполосного пользования землёй русским и бурятским крестьянством как базы национального антагонизма, данная в работе П. Т. Хаптаева. Серьёзной теоретической ошибкой автора является смешение в одно целое русского народа и царизма под единым названием «русские». Касаясь распределения землевладения в Бурят-Монголии, П. Т. Хаптаев пишет: «Из общей площади земли большая половина приходится на русских». Кто же эти русские, захватившие половину «бурятской» земли? Оказывается, тут и крестьяне, и казаки, тут и владения кабинета, и городские владения, и владения монастырей — всё сбито в одну кучу, всё это «русские». А ведь на долю русского крестьянства, по данным самого же автора, приходилось только 12,2% земли.

П. Т. Хаптаев базой национального антагонизма считал чересполосное поселение бурят и русских, забывая о том, что подлинной базой конфликтов на почве землепользования являлись, как он сам признал в докладе на совещании историков, во-первых, политика царского правительства, во-вторых, реакционные тенденции эксплуататорских классов как русской, так и бурятской деревни. Иначе говоря, особая острота земельного вопроса и земельной нужды в Бурятии зависела не столько от обилия русских деревень среди бурятского населения, сколько от концентрации земельной собственности в руках крепостнического государства, а также в руках улусных и деревенских богатеев.

Отождествление царизма с русским народом привело в некоторых работах к приписыванию колонизаторской политики царизма всему русскому населению, к сплошной отрицательной оценке факта включения

Бурятии в состав Русского государства, к сплошному противопоставлению бурят русским. Примером такого подхода к важным вопросам истории Бурят-Монголии может служить статья Б. Санжиева и К. Виноградова «Из прошлого Бурят-Монголии» (помещена в сборнике «30 лет Кяхтинского республиканского музея краеведения имени акад. В. А. Обручева»). Главная ошибка авторов заключается в том, что в факте присоединения Бурят-Монголии к Русскому государству они видели лишь одну сторону, связанную с завоевательной политикой царизма. Авторы пишут: «На протяжении XVII века русские колонизаторы огнём и мечом покоряют Прибайкалье», вытесняют бурят «с лучших земель у речных долин», захватывают у них огромные площади земельных угодий. Авторы не учли положительных последствий мирной колонизации Прибайкалья русскими крестьянами; не учли общности интересов закабалённого русского крестьянства и закабалённого бурятского населения.

В ряде выступлений было подвергнуто критике положение, выдвинутое в книге П. Т. Хаптаева, о том, что в борьбе против национального гнёта русского царизма, особенно в периоды её подъёма, бурятское население выступало единым фронтом. Автор не учёл расслоения бурятского населения на нойонов, лам, кулаков и крестьян. Неумение выявить антагонистичность интересов разных групп бурятского населения, толкавшую верхи его (нойонство и кулачество) к объединению с представителями русского царизма, а низы бурятского населения к объединению с низами русского населения, в конечном итоге приводит к националистическому противопоставлению всех русских всем бурятам.

Справедливо была подчеркнута необходимость развёрнутого показа совместной борьбы бурятского населения и русских крестьян против царизма: на примере этих совместных восстаний нужно было противопоставить русский народ агентам царизма в вопросах их взаимоотношений с бурятами, развеять утверждение националистов, отождествлявших колониальную политику царизма и произвол его агентов с действиями русского народа в целом. В этих совместных выступлениях впервые были заложены основы последующей дружбы обоих народов.

В связи с этим встаёт вопрос о необходимости дать классовую характеристику русской колонизации. Появление в Бурятии наряду со служилым человеком, агентом царизма, и торгово-промышленным деятелем, пришедшим сюда за наживой, белого русского крестьянина, спасавшегося от помещичьего кнута и тягот крепостнического строя и настигаемого этим строем и на новых местах, создавало предпосылки для объединения эксплуатируемых — бурята и русского крестьянина.

Ряд историков Бурятии правильно поставил вопрос о необходимости разработать одну из таких ярких страниц в истории взаимоотношений русских и бурят, как их совместная борьба против набегов монгольских ханов. Было указано также на важность показа постоянного натиска на бурят со сторо-

ны южных агрессивных соседей для правильного понимания и оценки факта вхождения бурят в состав Русского государства. В связи с этим необходимо отметить неправильную акцентировку в работе П. Т. Хаптаева на совместной борьбе бурят и монголов против русских казаков. Этому противостоит такой общеизвестный факт, как бегство бурят из Монголии, ранее откочевавших туда от притеснений царских воевод и приказных. Даже в то время откочевавшие буряты предпочли жизнь в пределах Русского государства, ибо феодальные распри и нависшая над Монголией угроза маньчжуро-китайского гнёта были многим хуже, чем порядки, существовавшие «на пограничных землях».

Не менее важно углублённое изучение вопроса о передаче бурятскому населению русскими крестьянами и рабочими их производственных навыков. Разработка истории развития производительных сил Бурят-Монголии с выявлением роли русского населения в этом процессе должна быть оценена как одна из важнейших предпосылок для правильной трактовки взаимоотношений русского и бурятского народов. Исследованию подлежит и вопрос о влиянии русской культуры на развитие бурятской культуры, а также вопрос о влиянии передового общественного русского движения на развитие борьбы бурятского населения против царизма.

Очевидна необходимость решительного перелома в деле изучения истории Бурят-Монголии советского периода. Послеоктябрьскому периоду истории Бурят-Монголии посвящены лишь отдельные небольшие исследования, да и те касаются эпохи гражданской войны. Позднейший же период отражён лишь в юбилейных сборниках не ставивших задач углублённого исторического исследования. Между тем республика имеет ценнейшее архивное собрание, включающее такие фонды, как фонды Бурят-Монгольского ЦИК, Верховного Совета Бурят-Монгольской АССР, СНК Бурят-Монгольской АССР, фонды отдельных наркоматов и министерств и др. Республика располагает кадрами работников, могущих и желающих заняться разработкой истории Советской Бурят-Монголии. Необходимо наметить правильные организационные формы и обеспечить широкое развитие именно этого важнейшего участка исторической науки. Из других принципиальных вопросов следует отметить вопрос о разработке марксистско-ленинской периодизации истории Бурят-Монголии. Отсутствие больших обобщающих работ, охватывающих весь исторический процесс развития бурят-монгольского народа (исключением составляет книга П. Т. Хаптаева «Краткий очерк истории Бурят-Монголии»), ослабляло внимание к разработке вопросов периодизации. «Краткий очерк» П. Т. Хаптаева отразил в себе этот недостаток: в нём ещё сохранилась трактовка загетэ-аба как особого периода в развитии Бурят-Монголии. Необходимо решительного отказа и осуждения этого отхода от марксистско-ленин-

ского учения об основных этапах развития человеческого общества очевидна. Более чёткой постановки требует вопрос о генезисе феодальных и капиталистических отношений в Бурят-Монголии.

На совещании было указано на необходимость дать оценку ламаизму и клерикальной культуре Востока как явлению реакционному, тормозившему развитие бурятского общества. Необходимость этого подчёркивалась в связи с апологией буддийского духовенства, содержащейся в трудах буржуазных историков-националистов.

В связи с этим следует отметить ошибочность положения, высказанного в статье Б. Санжиева и К. Виноградова «Из прошлого Бурят-Монголии», что «ламаизм с конца XVIII века стал господствующей религией у бурят», и положения, высказанного в работе П. Т. Хаптаева, что национальное движение бурят вылилось в форму открытого массового отхода от формально принятой православной веры и ухода в ламаизм. Следует также пересмотреть оценку распространения монгольской письменности как прогрессивного явления, так как необходимо учитывать, что это вело одновременно и к распространению реакционной идеологии ламаизма.

Некоторые из поставленных на обсуждение вопросов не нашли ещё окончательного решения и должны быть подвергнуты дополнительному изучению. К ним нужно отнести вопрос об оценке волостной реформы. Утверждение П. Т. Хаптаева, будто бурятские народные массы по призыву нойонов примкнули к борющейся против волостной реформы группе нойонов, — ибо и те и другие в введение волостного управления взамен степных дум расценивали как усиление гнёта, — вызвало сомнение у гг. Тюшева и Малахинова. Однако оба они признали этот вопрос спорным и требующим дополнительного изучения. Неразрешёнными остаются вопрос о периоде буржуазно-демократической революции в условиях Бурятии, поднятый тов. Тышкиловым, и вопрос о развитии капиталистических отношений в Бурятии, поставленный тов. Малахиновым. Требуют дополнительного изучения вопросы по истории партийной организации в Бурятии, поставленные тов. Куприяновой.

Первоочередной задачей историков Бурят-Монголии является овладение марксистско-ленинской методологией, что позволит освободить историческую науку о бурят-монгольском народе от внесённых в неё извращений и путаницы, поможет выкорчевать остатки влияния буржуазно-националистической концепции и дать подлинно научное освещение истории Бурят-Монголии. Историки Бурят-Монголии поставили перед собой благородную задачу — создать подлинно марксистско-ленинскую историю Бурят-Монголии, которая воспитывала бы глубокое чувство советского патриотизма, укрепляла дружбу народов и являлся бы ценным вкладом бурятских историков в дело социалистического строительства.